

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящий том «Литературного Наследства», посвященный М. Е. Салтыкову-Щедрину, представляет собою один из первых и потому конечно еще несовершенных шагов по пути марксистского изучения творчества этого замечательного представителя мировой и русской художественной литературы и несомненно самого талантливого сатирика XIX столетия.

Неизученность этого писателя в марксистском литературоведении — одна из причин той необычайной пестроты мнений и оценок, нередко очень странных и теоретически наивных, которые высказываются и высказывались в нашей печати и которые в отдельных случаях нашли свое отражение и в некоторых статьях данного тома.

Кто такой Щедрин? Каковы источники его творчества? Какое место занимает этот писатель в истории развития русской общественной мысли и литературы во второй половине прошлого века?

Совершенно очевидно, что сколько-нибудь вразумительный, с марксистской точки зрения, ответ на эти вопросы можно дать только приняв в расчет историческую обстановку, в которой создавал свои произведения сатирик. А этого-то обычно и нехватает в большинстве появившихся до сих пор писаний о Щедрина. Авторы этих писаний рассматривают творчество Щедрина изолированно, в лучшем случае в связи только с различными литературными кругами. Огромного исторического значения и интереса процесс, на фоне которого складывалось мировоззрение и творчество Щедрина, остается почти вне поля зрения исследователей. И уже в этом таится возможность крупных ошибок в оценке социально-классового содержания его творчества.

Щедрин не философ, не социолог и не политический деятель в узком и точном смысле этих слов. Он прежде всего художник, и художник великий, в своем роде исключительный и неповторимый. Он на протяжении своей почти 40-летней литературной деятельности не имел ни возможности, ни быть может желания изложить свои общеполитические, исторические и политические взгляды в положительной и строго логической форме. В этом смысле у него нет вещей, подобных знаменитому письму Белинского к Гоголю, или общеизвестным произведениям Герцена и в особенности Чернышевского.

Разумеется, что его общие взгляды отразились в его художественных и публицистических работах. Но не следует забывать одного и здесь. «Рабий язык», которым писал Щедрин, нередко скрывает не только от нас — людей, отделенных от его эпохи многими десятилетиями, — но, случалось, скрывал и от современников действительный смысл его писаний. Общая-то тенденция была ясна, но какую конкретную совокупность социально-политических взглядов она таила в себе — оставалось нераскрытым. Даже частные письма Щедрина — источник очень красочный и важный для изучения его жизни и творчества — в отличие от писем, скажем, Толстого, Достоевского и даже Тургенева не дают достаточного материала для развернутой и хорошо аргументированной характеристики его социально-политических воззрений.

Отсюда, из всей этой совокупности обстоятельств, — некоторая «неуловимость» Щедрина, та самая неуловимость, которая позволяла представителям самых различных классов и групп «хвататься за фалды» Щедрина и приобщать его к лику «своих». Отсюда также, на первый взгляд трудно объяснимые явления, как длительное руководящее его участие в легальном народническом журнале при несомненно критическом его отношении к ряду программных положений народничества, возможность участия его в либеральной печати, возможность траурного заседания Петербургской городской думы по случаю смерти сатирика, подвергавшего буржуазно-дворянский либерализм беспощадному осмеянию; отсюда же — как это ни странно — «возможность» причисления его к предшественникам революционного марксизма в России.

И однако эта «неуловимость», как не затрудняет она правильное понимание и оценку сатирика, в конечном счете все-таки иллюзорна. Она вытекает либо из недостаточного знакомства с творчеством Щедрина и более или менее полного забвения его политической биографии, либо из глубоко ошибочной изоляции его от общей исторической обстановки его эпохи. Впрочем это связано также и с известным эклектизмом мирозерцания великого сатирика, эклектизмом, который некоторые щедриноведы обозначают деликатным и звучным термином «многогранность».

Мы имеем в виду конечно исследователей и критиков марксистов. О не-марксистах и говорить нечего. Порочный метод ничего кроме порочных выводов и не может дать.

Таково например положение дел с писаниями Арсеньева, Пыпина и Семевского, а из новейшей литературы — Иванова-Разумника. В работах этого типа встречается нередко много ценного фактического материала, более или менее удачные объяснения отдельных деталей, но общее решение вопроса, даваемое в них, явно несостоятельно.

Итак, если желать восстановить подлинный облик Салтыкова-Щедрина, определить историческое и художественное значение его, нужно с порога отказаться от импрессионизма в подходе к его творчеству и биографии. Это путь в область «неведомого» и пусть по нему грядут «высующие града» идеалисты и мистики всех направлений и толков.

Эпоха, на которую падает жизнь и творчество Щедрина, — одна из интереснейших в мировой и русской истории. Это была эпоха, в которую в старых странах Европы, на развалинах феодального общества, уже сложился современный капитализм, установилось господство буржуазии. Господство не безмятежное, ибо к действию уже пробуждался могильщик буржуазии — пролетариат. «Тайна XIX столетия — эмансипация пролетариата», говорил Маркс. И эта тайна раскрывалась в грозном выступлении пролетариата в 1848 и 1871 гг., в деятельности Интернационала, в успехах распространения великого учения Маркса.

Для России это была эпоха глубокого разложения и упадка крепостничества и созданных на его основе идеологий, эпоха вовлечения ее в орбиту капиталистической промышленной революции. В конце 40-х годов, на заре этой последней, началась литературная деятельность Щедрина. В конце 80-х годов, незадолго до ее завершения и выступления на арену истории российского пролетариата, гениальный сатирик сошел в могилу. Он таким образом жил и творил в эпоху, когда сложившаяся веками феодально-крепостная Россия пришла в движение. В чем это выразилось?

В росте машинной индустрии, в прямом разрушении мелкой домашней промышленности или в подчинении ее диктатуре крупного капитала, в стремительном развитии железнодорожного строительства, в чрезвычайном усилении налогового гнета и вместе с тем в возрастании государственного долга, почти непрерывно державшего царизм на грани финансового банкротства. В бешеном протекционизме, в поисках новых рынков и в дичином колониальном грабеже, в «разведении миллионеров» и «оскудении дворянства». В проникновении капитализма в его наиболее хищнической форме в деревню, в разложении общины и источении производительной силы земли. В росте городов и беспощадной эксплуатации пролетариата. В коррупции, захватывавшей высшие ступени правительства и двора. Во все большем втягивании России в систему мирового капиталистического рынка и — как неизбежный в данных исторических условиях результат всего этого — в колоссальном обнищании и пролетаризации многомиллионных крестьянских масс, «внезапно брошенных, — как говорит Энгельс, — в столкновение с наиболее развитой формой новейшей капиталистической индустрии, которая должна была насильственно создавать себе внутренний рынок».

Россия была последней великой страной, захваченной крупной капиталистической промышленностью. Промышленная революция совершалась в ней во многих отношениях с невиданной в старых странах Европы быстротой. Страдания народных масс в связи с этим достигли исключительных размеров и остроты. Экспроприация непосредственного производителя, обезземеление крестьянства, всюду составляла основу первоначального накопления. Начавшийся в России еще задолго до реформы, этот процесс в самой реформе и после нее достиг громадных размеров. «А в чем состоит, — писал Ленин в 1894 г., — вся пореформенная история России, как не в массовой, невиданной нигде в такой интенсивности экспроприации крестьянства?» (Ленин, т. I, стр. 111).

Уже Маркс и Энгельс отмечали, что в силу всего этого переход к капиталистическому индустриализму в России не может не сопровождаться такими грандиозными социальными потрясениями, которых не знает история Западной Европы.

Вот эту-то картину разложения, упадка крепостничества и рождения капитализма и писал Щедрин. Писал не как легендарный, бесстрастный летописец, «добру и злу внимая равнодушно», и не как ученый социолог или историк, а как художник, страстно относящийся к действительности, пытающийся воздействовать на эту действительность, изменять ее в направлении своих идеалов. И нужно сказать, что во всей русской художественной литературе другого такого полотна нет, хотя те явления, которые были объектом внимания Щедрина, находили свое отражение и у других писателей той эпохи как демократического, так и реакционного лагеря. Хотя у Щедрина мало цельных крупных произведений — его циклы состоят из отдельных, часто фрагментарных вещей, — эти фрагменты сливаются в одно огромное художественное полотно, изображающее целую историческую эпоху, подобно «Божественной комедии» Данте и «Человеческой комедии» Бальзака.

Выше было сказано, что Щедрин в некоторых отношениях исключительный, неповторимый писатель. И это верно в том смысле, в каком верно положение об относительной исключительности и неповторимости натуры, с какой писал Щедрин. Мы имеем в виду конкретные исторические своеобразия развития капитализма в России.

В дооктябрьский период буржуазно-дворянская публицистика и художественная критика в большинстве своих представителей сходилась на подчеркивании публицистического

так называемого «гражданского» характера творчества Щедрина, признавая его крупной силой только в этой области. Щедрин — великий художник оставался вне поля ее зрения. Талант-то за Щедриным признавали, но полагали, что, будучи направлен не в область «собственно искусства», талант этот не мог, мол, развернуться во всем его блеске. «Гражданские» же добродетели Щедрина эта критика, в уровень своего собственного крестинизма и ограниченности, сводила к пошлому буржуазному либерализму. Щедрина роднили со Сталюсевичами, Кавелиными и прочими представителями либерального хамства 70—80-х годов.

До Октября его лицемерно заключали в свои объятия и литературные деятели партии «могильных червей революции», как называл кадетов Ленин.

Естественно, что в марксистской критике либеральная трактовка Щедрина была встречена в штыки. Чтобы восстановить подлинный облик Щедрина, обратились к изучению его не только как антикрепостнического, но и антилиберального политического писателя. Сделать это было совершенно необходимо. Но сосредоточив внимание на политической стороне дела, обращались недостаточно к Щедрину-художнику. Последний оставался в тени. Самое это противопоставление художественного социальному в корне ошибочно и имеет своим источником не-марксистское представление о задачах и возможностях художественного творчества.

Щедрин именно потому был великим художником, что писал о коренных вопросах социальной жизни и писал глубоко тенденциозно. Эту черту и ценили в нем Маркс и Энгельс. Его влияние на современников было значительным, его произведения не умерли вместе с ним, а сохранили известное значение до наших дней именно потому, что он был одним из первоклассных художников слова. Не только «Пошехонская старина», «История одного города» или «Господа Головлевы», но и мелкие его вещи в большинстве случаев — художественные произведения высокого достоинства. Щедрин обладал исключительным размахом художественного воображения. Он создал свой особый язык и стиль, которыми владел, как истинный виртуоз. Изучение Щедрина-художника необходимо. К сожалению и в настоящем томе «Литературного Наследства» этой стороне дела не уделено достаточного внимания.

Итак, Щедрин — творец огромного художественного полотна, в котором отразилась его эпоха. С каким же мировоззрением подходил Щедрин к критике жизни этой эпохи? Тут-то мы и встречаемся с необычайной пестротой мнений. Либерал, демократ, демократ-народник, революционный социалист-утопист и наконец такой социалист-утопист, который уже начинает преодолевать свой утопизм и как-то приближается к марксизму. Все эти мнения и оттенки, за исключением первого, не нашедшего себе поклонников в среде марксистов (если не считать совершеннейших одиночек, для которых остается только одно утешение, что они — обладатели «оригинального» мнения), нашли и продолжают находить свое выражение в нашей литературе. Все, или почти все они так или иначе отразились и на страницах настоящего тома. Очевидно, что серьезная научная дискуссия о характере творчества Щедрина — дело не лишнее, тем более, что теперь приступлено к первому изданию полного собрания его сочинений и перепиши.

О первой версии — Щедрин-либерал — много и говорить не стоит. Все творчество сатирика с конца 60-х годов опровергает ее. Попытки либералов «хвататься за фалды» Щедрина были разоблачены и заклеймены как подлое лицемерие еще Лениным. Да и сами российские либералы, сливавшиеся по мере приближения пролетарской революции с черносотенцами и окончательно слившиеся с ними уже в предоктябрьские дни, теперь открыто отрекаются от Щедрина. Так накануне столетия со дня его рождения неизвестный Ю. Айхенвальд издал на страницах белоэмигрантского «Руля» всю «скорбь» и негодование, накопившие «в покаянном сердце» российского либерала против Щедрина. Сатиру последнего этот литературный лакей господствовавших в царской России классов с похвальной откровенностью признал «несправедливой, огульной, праздною», не заслуживающей к себе иного отношения, кроме как враждебного.

В свете Октябрьской революции, положившей конец господству помещиков и буржуазии, даже крепостная и полукрепостная Россия времен Николая I и Александра II воспринимается им как обетованная земля, а именно эту Россию развенчивал и осмеивал Щедрин. П. Б. Струве пошел еще дальше, возмечтав о воссоздании допетровских порядков на Руси. Ясно, что версия о Щедрине-либерале явно несостоятельна. Но ведь кроме нее существует немало других версий.

Что Щедрин — великий сатирик-демократ, это ныне никем уже не оспаривается. Что его демократизм более или менее сильно окрашен в тон утопического социализма — это также кажется стало бесспорным. Но некоторые исследователи повидимому находят это недостаточным для Щедрина и требуют возведения его в ранг революционного социалиста и притом такого, который в чем-то будто бы приближается чуть ли не к марксизму. Отвлекаясь от некоторых второстепенных деталей, в которых сторонники этого мнения расходятся между собой, то, что им общее, можно было бы формулировать следующим приблизительно образом.

В конце 40-х годов существовал на Руси кружок безнадежных утопистов: петрашевцы. К оному кружку некое, правда отдаленное, отношение имел и Салтыков, и отдаленность

эта пронестка из того, что Салтыков уже тогда в утопиях сомневался и размышлял о путях их преодоления. С этими сомнениями он и отправился в Вятку, где они практически разрешились довольно быстро и притом весьма прозаически. Впрочем об этом периоде в жизни Салтыкова сторонники рассматриваемого мнения говорят глухо, как-то вскользь.

Затем Салтыков возвратился в столицу и что-то до своего вхождения в «Современник» делал, что именно об этом тоже говорится глухо и подчеркивается только его несомненное сочувствие народным массам. А затем, с 1863—1864 гг., в этой версии мы встречаемся уже с таким Салтыковым, которого в действительности никогда не существовало. Салтыков не только 70—80-х годов, но и этого раннего периода вырастает в представлении сторонников рассматриваемого мнения в какого-то Илью Муромца (русской революционной демократии. И ежели современники его за такового не принимали так это происходило по причине скудости их интеллектуальных сил, зараженности предрассудками утопизма и в известной части даже ренегатства.

По этой версии выходит, что это он, Салтыков, вынес на печаль своих всю тяжесть борьбы с реакцией и блокирующимся с ней либерализмом в 60-е годы. Это он тогда и притом он единственный, с честью нес знамя мелкобуржуазной революционной демократии, знамя Чернышевского. Под ударами реакции все отступало, «понижало тон» мелчали, вырождалось в жалкое культиурничество, предавало свои же собственные вчерашние идеалы. И посреди этого «сборища оппортунистов, трусов и ренегатов» стоит одинокая фигура революционного Щедрина.

Но Щедрин велик не только стойкостью духа перед лицом нагло торжествующей реакции, но и исключительной силой мысли, глубоко реалистической и даже пророческой. Оказывается, что он уже в 60-е годы провидит не только упадок дворянства, но и грядущую гибель новых столпов общества — буржуазии.

Зараженный скепсисом по части утопии он в 70—80-е годы подвергает сомнению и народническую утопию. Согласно этой версии, Щедрин почти ничего общего не имеет с народничеством. В некоторых высказываниях Щедрина о семье, собственности и государстве сторонники рассматриваемого мнения склонны усматривать что-то похожее чуть ли не на марксизм. Правда, марксистом его в конце концов не признают и ограничиваются весьма туманными формулировками, когда дело подходит к конечным выводам. Но это уже результат недостаточно логического развития неправильно взятых исходных положений.

Этой картине нельзя отказать в стройности и заманчивости, и тем не менее в ней нет подлинной исторической правды. Это идеализация портрета писателя. Отдельные детали здесь изображены довольно правдиво, но в целом, повторяем, картина эта не верна и может быть принята за истинную только при недостаточном знании русской истории, только при забвении политической биографии Салтыкова и выборочном знакомстве с текстами его произведений.

Не подлежит никакому сомнению, что Щедрин, человек одаренный большим умом и талантом, не стоял на месте и пережил известную эволюцию. Бесспорно, что в общем эта эволюция была движением справа налево. Но также не подлежит сомнению, что приходом Щедрина к чему-то хотя бы только похожему на марксизм эволюция эта не завершилась.

В жизни и творчестве Щедрина есть рубеж. И этот рубеж лежит на грани 60-х и 70-х годов. Не то, чтобы Щедрин, перейдя эту грань, как-то вдруг радикально изменился, порвав со всем своим прошлым. И в 70—80-е годы он пронес многое из этого прошлого. Но сдвиг был все же значительный и принципиальный: Щедрин в эту пору рвал с тем из своего идейного прошлого, что в нем было от либерализма.

До конца 60-х годов Щедрин не стал еще прочно на позиции последовательного демократа. До этого момента колебания между демократизмом и либерализмом у него еще очень сильны, сильны настолько, что в самом начале 60-х годов либерал, мечтающий о плодотворной практической легальной деятельности в рамках пореформенного абсолютизма, брал в нем верх над демократом. Революционером действия Щедрин не был никогда. Теоретические же его воззрения в те годы тоже были достаточно далеки от революции. Сказанное можно было бы иллюстрировать анализом художественных и публицистических произведений Щедрина той поры и его перепиской, но это невозможно сделать в рамках редакционного предисловия. Здесь достаточно будет указать на некоторые основные моменты, не оставляющие в этом вопросе никаких сомнений.

Чем характеризовалась революционная демократия начала 60-х годов? Страстным ожиданием всеобщего крестьянского восстания и верой в него, глубоко враждебным «сектантским» отношением к теории и практике буржуазно-дворянского либерализма, предававшего дело революционной демократии на каждом шагу, неверием в мирное прояснение и убеждением, что только революция положит конец бесправному положению, ажитации и вырождению народных масс, даст крестьянству землю и освободит Россию от тяготеющего над ней помещичьего режима, увенчанного самодержавием. Характерны ли эти моменты для Щедрина 60-х годов? — Нет.

В нем много действительно искреннего сочувствия народным массам и молодому по-

колению. Но он не ищет выхода на путях революционной ликвидации помещичьего землевладения и самодержавия. В ту пору он даже и не поднимает вопроса о какой бы то ни было ликвидации помещичьей собственности. Правда, и тогда он уже замечает трусость и половинчатость людей либерального лагеря, подвергает иногда их едким насмешкам, но он не видит еще в либерализме зачатого «врага революционной демократии, идеологию, призванную украшать благовидными покровами сделки буржуазии с помещичьим государством за счет прежде всего крестьянских масс. В противовес идеологу революционной демократии — утопическому социалисту Чернышевскому, ставящему ставку на революцию, на обострение борьбы, Салтыков в это время пытается создать широкий блок всех партий «прогресса», от умеренных либералов до социалистов включительно, для осуществления «скромных практических целей». Здесь таким образом две линии, а не одна. Мнение, что уже в 60-х годах Салтыков стоит на позициях Чернышевского, не верно.

Мы не говорим уже о таких хотя и частных, но все же существенных моментах, как его насмешливое выступление по поводу романа «Что делать?», как его очень странно звучащее в тогдашней политической обстановке нападки на «нигилистов».

Пусть «Что делать?» действительно типично утопический роман, в котором трезвый буржуазный рассудок не в силах усмотреть ничего кроме богатой фантазии и смешных подробностей. Но нападать на этот роман, написанный человеком, заточенным в крепости, убежденный демократ, а тем более социалист не мог. Бесспорно также, что в среде революционно настроенной молодежи тогда, как и во все времена, встречались «вислоухие» и «юродствующие», т. е. люди, неспособные на подлинно революционное дело, легко меняющие кожу, потенциальные ренегаты и фразеры. Все это так. Но ведь насмешки Щедрина прозвучали в униссон с завываниями той печати, которую сам Салтыков позднее окрестил очень шедшим к ней названием «ретирадная литература».

Щедрина сам почувствовал неловкость положения и попытался с достоинством отступить в форме пояснений, но вышло это плохо, неубедительно.

Все эти промахи могли бы быть объяснены случайной бестактностью, допущенной в острых полемических схватках. Но это едва ли так. Дело в том, что они находятся в созвучии с той шаткостью политической мысли, с теми стремлениями к блоку с либерализмом, которые нашли свое отражение в «Каплунах», отклоненных Чернышевским, и в особенности в известном проекте объявления об издании журнала «Русская Правда».

Нам кажется несомненным, что в той политической ситуации, которая сложилась в России в 1862 г., проповедь в духе этого проекта независимо от воли Салтыкова, мечтавшего воссоединить и примирить — до времени — между собой все «партии прогресса», направлялась бы не только против помещичьей реакции, но и против революционной демократии.

Состав компаньонов Щедрина по редакции проектированного им журнала — Б. И. Утин, Головачев, Унковский — говорит сам за себя. Характер либерализма этих людей достаточно хорошо известен любому исторически грамотному читателю.

Прокламации, глухое брожение зарождающегося русского революционного подполья, польское восстание — все это преграды на пути, призраки, пугающие общество и правительство, сбивающие с толку и мешающие прогрессу. Вот как объективно звучат все эти либеральные ноты, настойчивые и частые у тогдашнего Щедрина.

Проектируя на прошлое, позднейшие щедринские высказывания об «освободительной» реформе и либерализме, исследователи забывают действительные классовые позиции Салтыкова-Щедрина начала и даже середины 60-х годов.

Происхождение из старинной и богатой дворянской семьи (смешанной, правда, уже с буржуазией), воспитание на «лоне материальной обеспеченности и эстетических преданий», положение в обществе (Щедрина почти до самой смерти был помещиком средней руки) и в правительственном аппарате не помешали в конце концов Щедрину стать тем, чем он стал. Но в 60-е годы именно эти моменты тормозили в нем отмирание либеральных иллюзий. Они налицо даже в самых ярких, в смысле социального и политического радикализма, произведениях Щедрина той поры — в публикуемых впервые в настоящем томе двух хрониках «Наша общественная жизнь» и статье «Современные призраки». В хронике первой мы встречаемся с призывами к той же легальной практической деятельности. Правда, во второй хронике «война», т. е. революция, как будто бы и признается неизбежной и потому необходимой, но признается как некое зло, претящее автору и даже теоретически противоречащее, по его собственному признанию, тому строю мыслей, который он считает истинным. Эти противоречия Щедрина пытается разрешить путем очень характерного утопического проекта организации сил для ведения самой «войны».

Согласно этому проекту действительно действующие революционеры не мыслят, мыслящие же не действуют.

Итак, в 60-е годы Щедрина еще не сложился в убежденного и последовательного до конца демократа. Иначе невозможно объяснить себе, как в обстановке крепнущей реакции, задушившей польское восстание и крестьянские бунты, он ушел из демократической литературы на службу в бюрократический аппарат абсолютизма. Версия, выдвин-

гаемая для объяснения этого факта некоторыми исследователями — цензура, мол, задушила, — слишком наивна, чтобы на ней можно было остановиться всерьез. Понадобилось четыре года, чтобы Салтыков окончательно убедился в несбыточности надежд на подлинно плодотворную практическую деятельность в рамках существующего социально-политического порядка.

С конца 60-х годов Щедрин снова входит в демократическую литературу и на этот раз уже навсегда. С этого времени он обращает всю силу своего громадного таланта на разрушение этого строя, на развенчание его авторитетов и идей. И он сделал в этом отношении все, что доступно самому крупному художнику, борющемуся только пером.

Чем же был Щедрин в эту вторую и лучшую половину его жизни? Нам кажется, что правильной характеристикой его для этой эпохи будет: демократ с сильным налетом утопического социализма, творчество которого немало способствовало пробуждению политического сознания и протеста в России. Но Щедрин и в этот период не революционер. И не только в том смысле, что лично он никогда не входил ни в какую революционную организацию и даже, насколько известно, не имел никаких связей с ними, но и в том смысле, что ни прямо, ни косвенно он не пропагандировал революционного насилия. Он не сочувствовал и даже осуждал те единственно реальные формы революционного насилия, которые имели место в его время — народофильский террор.

В этом — самое глубокое противоречие Щедрина. Все его творчество, рисующее картину безграничного глумления, унижения и эксплуатации крестьянства и удушения демократической интеллигенции, наглого торжества хищнической буржуазии, все это пробуждает ненависть и зовет к борьбе. Сатирик сам сознательно ненавидит старый порядок и однако же не дает революционного решения вопроса о его ликвидации.

Будущее рисуете Щедрину как какая-то социальная гармония. Но пути к этому будущему он не знает. На вопрос о том, что делать, он не может дать никакого другого ответа, кроме как: бороться за идеалы. Как бороться? — на этот вопрос мы не найдем у Щедрина ответа. За какие же идеалы нужно бороться? — за «свободу, справедливость, равноправие». При всем своем критическом отношении к утопизму сам Щедрин, поскольку он социалист, — социалист утопический. В сущности его критика утопизма не пошла дальше протеста против создания конструкций будущего идеального строя, и он сам действительно не создавал их. Но в этом и заключается все его превосходство над утопистами. Дальше он не пошел. Действительно слабых сторон утопизма первой половины XIX в. он не понимал, потому что и сам склонен был исходить из неизменной человеческой природы и рационализма.

Причину крушения начинаний Р. Оуэна и фурьеристов он усматривает «в порочности и предрассудках, тяготеющих над обществом». Анализ экономических причин этого крушения для него просто не существует.

Насколько можно судить по некоторым данным, материалист в понимании природы он оставался идеалистом в понимании человеческой истории. Эластичность, невыдержанность его взглядов на историю чувствуется повсюду. Он испытал многообразные влияния, но определяющим оставалось влияние рационализма. Никогда он не поднялся до материалистического понимания истории. Необычайно сильный в анализе частных, конкретных явлений жизни, поднимавшийся здесь иногда до удивительно ясного понимания дела, он неизменно впадает в идеализм всякий раз, как только принимается за широкие исторические и социологические обобщения.

Так, трактуя о русской прессе или французском парламентаризме, он иногда очень близко подходит к правильному определению их классовой сущности и в то же время, говоря о литературе вообще, он склонен видеть в ней надклассовую силу, творящую историю. А так как литературу делают интеллигенты, то сии «критически-мыслящие личности» и являются в последнем счете вождями человечества.

Мастерски изображая рождение из среды крестьянства Колупаевых и Разуваевых, тонко обрисовывая самую механику этого процесса, он тем не менее не поднимается до понимания человеческой истории как истории борьбы классов.

Как критик буржуазного общества он уступает и по ясности, и по глубине анализа, но не по яркости Чернышевскому, что впрочем и естественно. Щедрин — художник, а не ученый. К тому же при всей широте его кругозора он несомненно уступает Чернышевскому в познаниях, в особенности в области философии и политической экономии.

Будущая гармония рисуется ему как «непременно имеющая быть», как неизбежный и законный продукт истории. Однако было бы поспешностью усматривать в этом приближение Щедрина к историческому материализму, к пониманию исторически переходящего характера буржуазного общества. Это тезис, общий многим утопическим социалистам, любившим ссылаться на законы истории, формулируемые ими всегда неясно и с рационалистических позиций.

В конце концов щедринская «имеющая непременно быть» гармония — дело его веры и убеждения. Научных доказательств этой «непременности» он не имеет. Приход своей гармонии Щедрин не связывал с победой какого-нибудь определенного класса.

Полагают, и совершенно основательно, что Щедрин не голый отрицатель, что у него было положительное мировоззрение, положительный социальный идеал. Повторяем, это

бессспорно. Идеал у него был, но настолько абстрактный и неясный, что он всегда испытывал затруднения при попытке его изложения. Когда он давал такое изложение, то выходило оно довольно бледным: справедливость, равноправность, свобода — вот и все (см. например его известное письмо Е. И. Утину написанное в 1881 г., или разговор правды со свиньей в очерках «За рубежом»). Таким образом идеал этот был лишен той конкретизации, в которую облекали свой идеал все утописты от Томаса Мора до Фурье и Каба.

С формальной стороны этот туманный идеал мог бы быть признан в качестве девиза и либерализмом, но только именно с формальной стороны. Все творчество Щедрина свидетельствует о том, что он наполнял эти термины совсем иным, чем либеральные буржуа, содержанием.

Как Щедрин решал вопросы о государстве, семье и главное частной собственности в будущем обществе — нам не известно. Он подвергал эти институты глубокой и блестящей критике, но положительного ответа в вопросе об их судьбах он не дал. Быть может он и склонен был вовсе отрицать частную собственность, но вероятнее, что нет. Критика существующих отношений собственности — еще не значит полное отрицание частной собственности вообще. История социальных учений знает много разновидностей утопического социализма, сторонники которых подвергали институт собственности уничтожающей казалась бы критике и тем не менее в конце концов сохраняли ее в своих проектах переустройства общества. Кому не известны например писания Прудона?

Не менее интересен вопрос о том, как относился Щедрин к современному ему помещичьему землевладению, стоял ли он за экспроприацию всех помещичьих земель? На основании всего его литературного наследия нетрудно доказать, что он признавал право крестьян на землю (неясно только, на всю ли землю?). Он резко противопоставлял крестьянство — «конягу» «пустоплясам» — помещикам. Но реальная его программа и в этом отношении остается до сих пор невыясненной. Какую же все-таки судьбу предопределял он «пустоплясам»?

Думал ли он, что всех их рано или поздно постигнет участь владельца Монрепо, т. е. что они будут разорены новыми столами общества и поступят в разряд «пропащих людей» с перспективой превращения в далеком будущем в просто человек, или ему рисовалась иная какая перспектива? Это один из интереснейших вопросов, над которым в плане изучения творчества Щедрина надлежит еще работать.

Несколько слов об отношении Щедрина к народничеству. Он не был конечно идеологом этого направления общественной мысли. Не был безоговорочным сторонником ни легального, ни тем более революционного народничества. И не только потому, что ясно видел процесс дифференциации деревни, нарождение кулачества, хотя этот момент — реалистический взгляд на деревню — несомненно высоко поднимает Щедрина над подавляющим большинством его соратников по «Отечественным Запискам» равно как и над эпигонами старого революционного народничества, опустившимися до пошлого меланхолического радикализма. О процессе этом писали, правда далеко не создавая всего его значения, и руководители «Народной воли». Однако они делали из этого наблюдения вывод о необходимости спешить с переворотом.

Щедрин не был народником потому, что не верил в социалистическую природу крестьянства, в русскую общину как в базис будущего социалистического строя. Он не был революционным народником потому, что не верил в способность крестьянства подняться на социалистическую революцию. Он вообще сомневался в возможности скорой крестьянской хотя бы и не социалистической революции в виду заботности и темноты крестьянских масс. Но не видя в крестьянстве революционной силы, он не видел ее и в пролетариате.

Утопический социализм Щедрина — в той мере, в какой он ему действительно присущ, — это утопический социализм 40-х годов. Характернейшей и решающей чертой в утопизме русского революционного народничества 70-х и самого начала 80-х годов была как-раз вера в возможность поднять крестьянство на социалистическую революцию, на такую революцию, которая принесет с собой одновременно и социальное, и политическое освобождение. Революционные народники искренне полагали, что победа крестьянского восстания будет означать победу социализма. Это было глубоким заблуждением, утопией, и в действительности они были не социалистами, а лишь решительными мелкобуржуазными революционными демократами. Но именно эта вера двигала их в народ, дала им силу вступить в неравную героическую схватку с царизмом. Схватку, которая привлекала к себе внимание всего мира и вызывала чувство глубокого уважения к ним со стороны самих основоположников научного социализма. Маркс и Энгельс ценили революционных народников не как социалистов («во всем русском народничестве нет ни грана социализма», говорил Ленин, имея конечно в виду социализм научный, а не утопический), а как решительных боевых демократов, борющихся с царизмом, этим оплотом феодальной и буржуазной реакции во всей Европе.

Отсутствие этой-то веры, а не мнимые расхождения во взглядах на роль интеллигенции и государство — вот суть отличия Щедрина от народничества. Но при всем том в своем творчестве Щедрин объективно отражал в конечном счете все то же крестьян-

ство, его протест против потока и разграбления, на которые оно было обречено «освобождением» 1861 г. В этом историческое значение и заслуга Щедрина. На этой почве он сблизился с народниками. Повидимому в этом смысле следует понимать его замечание в письме к Гаевскому от 13/25 сентября 1881 г.: «Я человек партии».

Что касается отношения Салтыкова к тактике революционного народничества, то, как сказано выше, он не разделял ее. Террор он находил «бесмысленным и пошлым», массовое крестьянское восстание рисовалось ему в виде беспощадного кровавого хаоса, в котором неизбежно пострадают и невинные. «Справедливо ли это?» — в типично моралистическом духе спрашивает Щедрин.

Правда, при всем своем несогласии с тактикой революционных народников Щедрин не позволял себе не только бросить в этих людей камнем, но и просто критиковать в подцензурной печати. Чувство жалости к этим, как казалось ему (и в этом он глубоко ошибался), бессмысленно гибнущим людям, глубокого уважения к их героизму, гнету к их палачам и презрения к оплевывавшим их либералам характерно для Щедрина. Но как утопист на этической основе он отрицает террор и реакционный, и революционный. Напомним его известную псевную статью против палачей Парижской коммуны. Но она найдена, это было вскоре после 1 марта, он, хотя и очень глухо, печатно осудил и родовольческий террор («За рубежом», глава VI). И это осуждение в тогдашней политической обстановке прозвучало ложно.

Повторяем, Щедрин — искренний демократ, но не революционер. Сила Щедрина в его практической программе, не в положительных выводах вообще, в которых, как это глубоко верно отметил еще Маркс, Щедрину не везет. Сила его в области критики. Здесь он проявил такую мощь, такую глубину, которая редко встречается у социальных критиков домарксовской эпохи. Фурье, как говорила Энгельс, — не только великий критик-утопист, но и «один из величайших сатириков всех времен». Можно было бы сказать, что во второй половине XIX в., когда буржуазная цивилизация показала свои изъяны во всем ее гнусном отталкивающем виде, всякий действительно глубокий сатирик, а Щедрин был сатириком гениальным, не мог уже стоять на чисто буржуазных позициях. Но до позиций пролетарского социализма до всему своему прошлому, к условиям места и времени Щедрин подняться не мог.

Нарождавшийся в России капитализм рисовался Щедрину преимущественно, если не исключительно, с его разрушительной стороны. Что в ходе капиталистического развития в России создавался новый общественный класс — индустриальный пролетариат Щедрин не замечал. Бюрократы всех рангов и степеней, помещики, банкиры, железнодорожные спекулянты, биржевые акулы, лакействующие либеральные газетчики, литераторы и ученые, Колупаевы и Разуваевы — все это Щедрин видел и описал в ярких красках. Но рабочего у него нет. В качестве особого общественного класса Щедрин упоминает о рабочих. Для него, как и для подавляющего большинства его современников в частности народников, рабочий только разновидностью крестьянина. Исторически это и понятно. Щедрин в основном сложился уже в 70-е годы, когда русский рабочий только еще начинал подниматься на стихийную борьбу.

В 80-е годы, когда возникла группа «Освобождение труда», когда в революционной среде внутри самой России начался глубокий идейный кризис, Щедрин, прикованный болезнями к креслу, не имевший никаких связей с той средой, в которой шел процесс выработки и усвоения новой революционной теории, был уже слишком стар, чтоб двигаться вперед. Даже гениальные писатели ограничены возможностями своего времени. Щедрин не видел революционного пролетариата, да и не мог его видеть. Но самое творчество его было одним из симптомов надвигающихся на Россию великих социальных переворотов.

В качестве высокого образца сатиры вообще, в качестве гениального художественно-комментария к истории царской России второй половины XIX столетия творения Щедрина будут жить еще многие десятилетия, а быть может и века. А это судьба немногих писателей.

Кесарево — кесарю, и нет никакой необходимости наделять Щедрина большим, чем он действительно владел, видеть в нем, демократе с оттенком утопического социализма какого-то предшественника революционного марксизма.

Вообще при том строго критическом освоении литературной культуры прошлого, к которому учил Ленин, необходимо отказаться от нередко еще встречающихся попыток устанавливать во чтобы то ни стало генетическую связь между тем или иным писателем прошлого и марксизмом.

Пролетариат не отказывается от того, что есть подлинно великого в культуре прошлого. Больше того: он единственный законный наследник лучшего, что создано в прошедшие эпохи человеческой истории. Но не следует никогда забывать те различия, часто ту пропасть, которые отделяют мировоззрение единственного до конца революционного класса — пролетариата от мировоззрения тех, кто создавал культуру в прошлом.

Возвращаясь к Щедрину, нужно сказать, что он и теперь имеет не только чисто исторический интерес. В прандиозной созидательной работе по построению бесклассового социалистического общества, которую под руководством партии во главе с т. Сталиным

ведут пролетариат и трудящиеся в нашей стране, немалая роль приходится и на долю литературы. Она между прочим должна создать нашу, большевистскую, высокохудожественную и остро отточенную сатиру, направив ее против всех тех, кто стоит на пути пролетариата к его великой конечной цели, кто тормозит его движение к ней.

Чтобы создать такую сатиру, нужно критически освоить творчество крупнейших представителей этого вида искусства в прошлом. И здесь на первом месте стоит великий мастер социальной сатиры — Щедрин.

* * *

Предлагаемый вниманию читателя «Литературного Наследства» сборник, посвященный Салтыкову-Щедрину, целиком создавался по твердому плану. Материалов или статей, попавших в редакцию случайно, «самостоюком», в книге нет. В согласии с существом стоящих перед журналом задач щедринский сборник строился на основе новых, доселе не издававшихся текстов как самого Щедрина, так и различных материалов о нем. Документы, составившие публикационный фонд сборника, были извлечены в результате организованных редакцией детальных поисков в архивах Москвы, Ленинграда, ряда провинциальных городов, а также из некоторых частных собраний. Естественно, что далеко не все обследованные или вновь выявленные материалы нашли себе место в сборнике. Редакция отнюдь не стремилась использовать сейчас все результаты своих находок. Наоборот, на протяжении всей своей работы она отчетливо сознавала потенциальную опасность увлечься новым неизданным материалом и создать пеструю книгу, в которой действительно ценный материал потонул бы в груде второстепенных текстов, биографических мелочей и анекдотических пустяков. С этой тенденцией редакция жестко боролась. Так например из обильной, еще не изданной мемуарной литературы о Щедрине, поступившей в портфель редакции, мы сочли возможным воспользоваться примерно одной десятой частью; из нескольких десятков вновь найденных писем Щедрина не введено в публикацию свыше тридцати и т. д. Далеко не всегда отбрасываемый материал не заслуживал опубликования. Часто отказываться от него приходилось в виду невозможности в намеченные сроки «поднять» этот материал, осмыслить его в согласии с тем теоретическим уровнем изучения документа, который предъявляется сегодняшним днем марксистско-ленинскому литературоведению.

В отборе включаемых текстов Щедрина и других материалов редакция стремилась избежать дурного налета исторического «объективизма», столь обычного для большинства историко-литературных сборников, построенных на публикации документов. Задача отбора материала усложнялась его обилием и неизученностью. Очень трудно было выбирать из неизданных произведений или отрывков Щедрина отдельные вещи, оставляя до поры до времени неизданными столь же иногда замечательные и неизвестные другие его произведения. Но и собранных в первом отделе сборника текстов было достаточно, чтобы, опираясь на них, поставить ряд важных исследовательских проблем изучения творчества Щедрина и вместе с тем показать, в какой мере недостаточными были наши знания и оценки сатирика, исходившие из ранее известных его произведений.

Не все печатаемые в сборнике работы редакции считает правильными по постановке и разрешению трактуемых в них вопросов. Не все статьи оказываются равноценными по своему теоретическому уровню. Читатель неизбежно должен будет столкнуться с некоторой разнородностью представленных в сборнике точек зрения по отдельным, иногда весьма существенным, вопросам. Дискуссионность ряда установок, нашедших себе место в сборнике, — явление неизбежное для сегодняшнего этапа марксистско-ленинского литературоведения вообще и его щедриноведческого сектора в частности. Не следует забывать, что щедринский номер «Литературного Наследства» является не только (и не столько) первым сборником неизданных архивных материалов о Щедрине, но и первым коллективным трудом, в котором сделана попытка подвергнуть целый комплекс исследовательских проблем, связанных с изучением Щедрина, разработке с позиций марксистско-ленинского метода изучения идеологии. Ошибки применения этого метода при анализе такого сложного объекта, каким является литературная деятельность Щедрина, неизбежно сказались несогласованностью, «разнобоем» отдельных суждений. Там, где редакция сталкивалась не с фактическими ошибками или неточностями отдельных формулировок, а имела дело с сознательно проводимой и защищаемой точкой зрения, неправильной по мнению редакции, — последняя, как правило, не стремилась навязывать свое понимание вопроса такому автору. Всякая унификация взглядов на настоящей ступени изучения Щедрина была бы вредной. Дальнейшее развернутое и углубленное марксистское изучение творчества Щедрина немислимо без широкой научной дискуссии. Если этот сборник сыграет роль хотя бы зачина к ней, — редакция будет считать, что поставленная ею задача выполнена.

Конкретно состав сборника следующий (в порядке разделов, на которые разбито его содержание):

Первый отдел первого полутома целиком занят публикациями новых, доселе не изда-

вавшихся текстов самого Щедрина, расположенных в хронологическом порядке, не всюду впрочем строго выдержанном в виду группировки текстов по комплексным тематическим публикациям. Общий объем новых щедринских текстов в сборнике — свыше 30 авторских листов. Уже одна эта цифра красноречиво говорит о том, как мало до сих пор эксплуатировалось рукописное богатство Щедрина, как незначителен был интерес к нему исследователей.

Публикации открываются статьей Салтыкова конца 50-х годов «Заметка о взаимных отношениях помещиков и крестьян». Тема статьи — вопрос о личных отношениях крестьянина к помещику после предполагаемой отмены крепостного права. Это — самая ранняя из дошедших до нас публицистических статей Салтыкова. О существовании ее никаких указаний в литературе не было. Важное значение «Заметки» в том, что она дает в руки исследователю первый и единственный пока документ для характеристики политических позиций раннего Салтыкова. До сих пор такая характеристика строилась (для данного периода, конца 50-х годов) исключительно на художественном материале, на материале «Губернских очерков», что было явно недостаточно. Автор обстоятельного предисловия к публикации М. В. Нечкиной, поставившая документ в связь с основными политическими вопросами эпохи и в окружение более поздних статей Салтыкова 1861 г. (полемика с Ржевским), права, утверждая, что «политическое миросозерцание Салтыкова эпохи 1858—1861 гг. звучит не вполне в унисон с объективно революционным значением его художественных произведений». Публицистика Салтыкова эпохи кануна реформ и самых реформ (1861 г.), дающая острые и блестящие образцы антикрепостнических и антиправительственных выступлений, вместе с тем в основном находится еще в лагере дворянского либерализма. Это единственно правильный вывод, который можно сделать на основании анализа тех документов, которые были привлечены т. Нечкиной. Положение это (оно сформулировано здесь резко и определеннее, чем у автора статьи, осторожно говорящего лишь о «либеральных срывах» Салтыкова) быть может нужно было больше подчеркнуть отчасти и полемически в отличие от первого изложения этого вопроса в известной книжке Семевского, где чувствуется тенденция во что бы то ни стало создать для Салтыкова того периода репутацию радикала. В этой связи важно бы было например подчеркнуть, что цитируемая т. Нечкиной статья «К крестьянскому делу» имеет своей задачей не только «предостережение правительства от слишком доверчивого отношения к жалобам помещиков», но и прямо обращается к самим помещикам, которых Салтыков призывает к мирному разрешению возникающих между крестьянами и помещиками конфликтов; далее, статья «Несколько слов об истинном значении недоразумений по крестьянскому делу» сочувственно разрабатывает модную именно в буржуазно-дворянских либеральных кругах эпохи тему о «сближении сословий», наконец было бы чрезвычайно показательно вскрыть дворянский характер публицистики Салтыкова этой поры (чего, кстати говоря, сам Салтыков и не скрывал) путем сопоставления развиваемых им взглядов на реформу с собственной практикой дворянина-помещика, непосредственно участвовавшего в проведении реформы в своем родовом имении. Такие документы (например уставные грамоты, подписанные Салтыковым) имеются, и они были известны автору, который однако не счел нужным ими воспользоваться. В целом однако в статье М. В. Нечкиной впервые (после упомянутой работы Семевского) дано обстоятельное исторически конкретное изложение и анализ ранней публицистики Салтыкова, имеющей исключительно большое значение для выяснения его политических взглядов этого времени.

Публикуемый вслед за этим первый акт комедии Щедрина «Царство смерти» помимо своего непосредственного художественного интереса важен для «творческой истории» пьесы «Смерть Пазухина», первоначальной редакцией которой и является «Царство смерти», и шире — важен для «творческой истории» всего «крутогорского цикла», оставшегося незавершенным. Конец 50-х годов, до вступления в «Современник», был периодом не только идейно-политических, но и творческих колебаний Щедрина. Это были годы интенсивных поисков «своего лица», «своей формы». Натуралистический очерк, психологическая повесть, драматические пьесы, даже попытка создания романа — вот диапазон жанровых колебаний, которыми характеризуется творческая деятельность Щедрина этой поры. Все это — ценный материал для истории формирования художественной личности великого сатирика, для определения его места и роли в литературном движении эпохи. К сожалению сопровождающая публикацию статья Ф. Головенченко этих наиболее существенных для данного текста вопросов почти не касается если и касается, то решает их крайне недостаточно. Статья в целом мало конкретна и далеко не во всех своих положениях правильна и доказательна. Нельзя не отметить, что такое ответственное суждение, на которое решается автор, — Салтыков в 1857 г. «верил в демократичную крестьянскую революцию» — аргументируется им следующим образом: «писатель других воззрений не мог в то время дать такой потрясающей картины, какая дана в «Царстве смерти». Аргумент явно недостаточен, а само суждение неправильно и не вытекает ни в какой мере даже из того анализа пьесы, который дал сам же Ф. Головенченко. Значительный интерес представляет вторая статья, сопровождающая публикацию. — воспоминания В. И. Немировича-Данченко «Щедрин в Художественном театре» (о постановке «Смерти Пазухина»). Эти воспоминания, написанные автором специально для данного

сборника, представляют крупную ценность как авторитетный документ, рисующий один из этапов творческого пути Художественного театра.

Обширная публикация Вас. Гиппиуса, посвященная известной полемике Щедрина с «Русским Словом» и «Эпохой» в 1864 г., обладает несомненно рядом больших достоинств. Она не только правильно суммирует имевшиеся в литературе предыдущие работы по данному вопросу, но и значительно расширяет самый материал исследования. В историю полемики В. Гиппиусом вводятся три новых полемических статьи Щедрина и фельетон против него. В. Зайцева, затерянный в первичной публикации эпохи и не учитывавшийся до сих пор ни одним из исследователей. В результате автору удается раскрыть эпизод «раскола в нигилистах», значительно полнее и глубже, чем это делалось до сих пор, и тем самым внести известную ясность в остающийся до сих пор спорным вопрос об идейно-политическом пути Щедрина до «Отечественных Записок».

Этому же вопросу в основном посвящены и публикации вслед за тем четыре статьи Щедрина 1863—1865 гг., предназначенные для «Современника»: три хроники «Наша общественная жизнь» и сохранившееся начало из незавершенного цикла «Современные признаки». И по значению, и по объему эти четыре статьи составляют центральную часть всех публикаций сборника. Перед нами документы исключительного исследовательского интереса. В них преломились самые основные кардинальные проблемы творческой и политической биографии Щедрина в их связи с самыми острыми вопросами эпохи. Со всей определенностью можно утверждать, что без ознакомления с этими материалами немыслима будет теперь сколько-нибудь полная и компетентная характеристика Щедрина 60-х годов, так же как немыслим учет его предыдущей и последующей эволюции.

После смерти Добролюбова и ареста Чернышевского, когда реакция стала уже свершившимся фактом, в «Современнике», несомненно начались известная дифференциация сил и снижение уровня идейного руководства, «Современник» по ряду существенных вопросов постепенно начал сдвигать свои позиции, колебаться, итти назад. Наиболее интенсивная деятельность Щедрина в «Современнике» падает именно на этот период. В таких неблагоприятных условиях Щедрин становится основным общественным обозревателем журнала. Обсуждение самых жгучих проблем окружавшей его политической действительности он ведег теперь — вынужден вести — вполне самостоятельно. Нет ничего удивительного в том, что колеблющиеся, неустановившиеся позиции Щедрина этого периода приводят его весьма скоро, несмотря даже на ослабление бдительности внутри-редакционной цензуры или, как называл ее Щедрин, «духовной консистории» к некоторой идейной изоляции в журнале.

В обстановке напряженнейшей классово-идеологической борьбы эпохи Щедрин, примкнувший к «Современнику», но не сумевший сразу самоопределиться в этом лагере, — лагере Чернышевского, заколебался, вновь попал в густую полосу «противоречий», которые разрешились в конце 1864 г. его временным отходом от «Современника», от литературы и поступлением на государственную службу. Годы 1864—1865 в биографии Щедрина — несомненно годы глубокого идейного кризиса, природа и содержание которого почти совсем еще не изучены. Тем больший интерес представляют вновь открытые статьи его, относящиеся именно к этому периоду. Став в отдалении от непосредственного участия в «бниениях» политического дня, Щедрин пытается теоретически осмыслить свое отношение к таким кардинальным проблемам, как проблема исторического развития и связанные с ней вопросы об историческом оптимизме и пессимизме, о соотношении теории и практики в переустройстве действительности, равно как самый вопрос о путях и способах этого переустройства. Страстность тона, взволнованность мысли, пробивающиеся сквозь отвлеченное изложение тем, свидетельствуют о том, как напряженно искал Щедрин свою новую «идейность», как глубоко хотел он вторгаться в самые животрепещущие вопросы и интересы своей эпохи.

Борьба, которую вел Щедрин за повышение идейного уровня своего мировоззрения, на основе возможно более практического, действительного отношения к жизни, — такова одна из увлекательных тем, возникающих при изучении публикуемого комплекса статей Щедрина 1864—1865 гг.

Сопровождающая публикацию статья Я. Эльсберга, дающая серьезный исследовательский комментарий к вновь открытым документам, сделана исходя из правильного в основном понимания характера литературно-политических позиций Салтыкова в рассматриваемый период. Всех возникающих вопросов статья однако не решает, да и не претендует на это. Кроме того здесь следует указать, что известная недостаточность статьи Я. Эльсберга в значительной мере объясняется посторонними автору причинами. Большую развернутую статью к рассматриваемым текстам хотел написать покойный Анатолий Васильевич Луначарский. Этим обещанием рамки статьи Я. Эльсберга были сознательно самим автором сужены. К сожалению болезнь не позволила Анатолию Васильевичу реализовать в полной мере обещанное. Но «краткий, горячо сказавшийся отклик» (из письма А. В. в редакцию) был прислан. Он печатается впереди публикации.

Одна из хроник «Нашей общественной жизни», а именно относящаяся к 1863 г., выделена в самостоятельную публикацию во вступительной статье В. И. Невского. Темой

публикуемой статьи является одна из самых острых политических проблем того времени — отношение различных общественных групп русского общества к польскому восстанию 1863 г., в том числе разумеется и отношение той группы, взгляды которой отражал в этот период автор статьи — Щедрин. Следует вспомнить, как расценивал польское восстание 1863 г. Ленин, какое огромное значение придавали ему основоположники научного социализма Маркс и Энгельс, а из идеологов непрелетарской революционной демократии той эпохи например Герцен, чтобы оценить всю важность для политической характеристики Щедрина этого периода выяснения его отношения к польским событиям. Характер отношения — оселок, на котором проверяется одно из существующих воззрений на Щедрина, согласно которому сатирик уже в этот период прочно стоял на позициях революционной демократии. В. И. Невский в своем предисловии показывает что проанализированный им текст встать на такую точку зрения никак не уполномочивает. Этот вывод В. И. Невского (правильный вывод) стал возможным лишь с момента опубликования полного текста щедринской хроники, так как напечатана она была в сентябрьской книжке «Современника» за 1863 г. с огромными цензурными купюрами и изменениями, павшими в большинстве своем как раз на те места статьи, в которых говорилось о польских событиях. Тем самым дается мера ценности найденной рукописи в литературном наследии сатирика.

Небольшой отрывок с эпиграфом из Гете «Кто не едал с слезами хлеба» начинае собой серию публикаций текстов Щедрина, относящихся к периоду «Отечественных Записок», к периоду 70—80-х годов. Это — время полной идейной и художественной зрелости Щедрина, время его высших достижений, огромной роли в литературе и популярности. В нашем сборнике эти наиболее важные десятилетия 70—80-х годов представлены однако значительно слабее двух предыдущих. Понятно почему. В 70—80-е годы, когда развернулся во всю ширь талант сатирика, когда он занял в русской литературе место одного из авторитетнейших писателей, в этот период не было и не могло быть случая, когда какой-либо журнал (разумеется из «радикальных» или «прогрессивных») отказался бы печатать Щедрина. В «Современнике» же случаи «отказа» были. Кроме того не следует забывать, что с 1866 г. Щедрин был членом редакции, а с 1878 г. — ответственным редактором «Отечественных Записок», т. е. имел свой журнал, в котором был сам себе хозяин. Вот почему архивы сохранили нам от этого периода в качестве неизданных не цельные вещи Щедрина, а преимущественно варианты его известных произведений или отрывки из незаконченных. Первый публикуемый текст («Кто не едал с слезами хлеба»), и представляет собой не что иное, как вариант «Писем из провинции» (письма шестого). Отрывок относится вероятно к 1866 г. Щедрин очень остро ставит здесь вопрос о «нужде масс», об «интересах толпы». Он ищет путей ликвидации этой нужды, путей выхода из того «убожества», в котором живет большинство. Отвергая неприемлемые для него народнические пути развития, Щедрин решает поставленные вопросы чисто просветительским путем: нужно убедить человека толпы думать не только о «хлебе материальном», но и «хлебе духовном», нужно «заставить его размышлять... привести его к убеждению, что эти две свободы (т. е. «свобода своего желудка» и «свобода своей мысли»). — Ред.) не имеют права существовать, не пополая друг друга, — вот цель всякой общественной деятельности, сознающей себя разумною. Не ясно ли, что и содержание мысли, и терминология здесь типично просветительские? Среди народников-семидесятников Щедрин остается здесь типичным шестидесятником. Недоказанным, остается поэтому утверждение Н. А. Мещерякова, содержащееся в его интересной вступительной заметке к отрывку: «Он (Щедрин. — Ред.) рассчитывает на борьбу масс и понимает ее как борьбу революционную».

«Похвала легкомыслию» — единственно цельное произведение в рассматриваемой группе публикаций периода 70—80-х годов. Этот сатирический фельетон был напечатан в «Искре» 1870 г. за подписью «Посторонний наблюдатель». Принадлежность псевдонима Щедрину была раскрыта сравнительно недавно. Полностью вновь открытая сатира перепечатывается в нашем сборнике впервые в сопровождении предисловия А. Аросева и комментария Вас. Гиппиуса.

Следующая публикация «Щедрин об еврейском вопросе» снова возвращает нас к «Отечественным Запискам». Материалом публикации послужили две черновых редакции известной статьи Щедрина «Июльское велиние», написанной в ответ на волюнтаристский погром 1881—1882 гг. Статья эта пользуется прочно установившейся репутацией лучшего произведения русской буржуазно-демократической литературы, направленной против религиозных и национальных преследований евреев в царской России. Значение статьи и двух публикуемых черновых вариантов к ней имеет однако более широкий исследовательский интерес. Автор вступительной статьи Д. О. Заславский правильно вскрывает ускользавшее до сих пор из поля зрения исследователя значение статьи как ценного материала для суждения об отношении Щедрина к народничеству. Последнее, как известно, в лице ряда своих представителей в официальных документах и статьях выражало одобрение еврейским погромам, усматривая в них начало общего стихийного выступления, направленного против помещиков и капиталистов. Статья Щедрина, бывшая с огромной силой по организаторам погромов, по практиковавшейся самодержавием

политике разжигания национальных страстей, косвенно била и по народникам, ибо решительно отказывалась видеть в погромах элементы какого-нибудь революционного или прогрессивного движения. Но, как правильно доказывает Д. О. Заславский, обнаруживая несомненную трезвость в этом вопросе. Щедрин и здесь критикует народничество с позиций радикально-демократического просветительства.

Очерк «Между делом», являющийся неизданным вариантом из цикла того же наименования, представляет собою прекрасный образец злой и остроумной сатиры Щедрина на тип ученого схоласта, находящегося «в совершенной оторванности от жизни», а также на тип ученого холода, столь характерный для российского гнобительства 70-х годов. К сожалению вступительная статья Н. В. Яковлева не раскрывает во всей полноте идейное содержание сатиры, а наоборот — снижает первое непосредственное впечатление от нее. Очерк рассматривается преимущественно как памфлет на «друга» Салтыкова — известного экономиста В. П. Безобразова. Эта унылая биографическая интерпретация последовательно проводится чрез всю статью от ее заголовка («Щедрин и Безобразов») до точной библиографической справки о месте напечатания сочувственной телеграммы, посланной Безобразовым семье Салтыкова после его смерти.

Раздел «новых текстов» завершается публикацией отрывка конца 70-х годов «Когда страна или общество» со вступительной статьей С. Белевицкого «Щедрин — критик самодержавия» (отметим, что общая характеристика социально-политических воззрений Щедрина не вскрывается, как полагает автор, одним определением «просветитель») и комплексной публикацией трех отрывков конца 70-х, начала 80-х годов: «Приличествующее объяснение», «Говоря по правде, положение русского литератора...» и «Пошехонье откликнулось...» со вступительной статьей С. Макашина «Щедрин о положении и задачах литературы».

Таков состав первого раздела сборника.

Выявление позиций марксистско-ленинского литературоведения в борьбе за наследство Щедрина посвящена вторая часть первого полутома раздел статьи и исследования. Здесь больше, чем где-нибудь в другом месте сборника, читателю придется столкнуться с тем многообразием суждений, с теми противоречивыми тенденциями, которые были охарактеризованы в первой части данного предисловия. Отсылая читателя к этому тексту, ограничимся здесь небольшими замечаниями не столько критического, сколько пояснительного характера.

Статейный отдел открывается обширной работой «Большевики и наследство Щедрина», принадлежащей Г. Е. Зиновьеву. Перед нами несомненно статья большого значения и интереса и притом отнюдь не для историка литературы только. Г. Е. Зиновьев поставил себе задачей проследить, как знали, воспринимали, оценивали различные революционные поколения Щедрина. В этом смысле заглавие — уже содержания статьи, хотя основное внимание в ней закономерно уделено отношению большевиков, в частности Ленина, к наследству Щедрина. Высокий теоретический уровень статьи, ее боевая публицистичность, отвоевывающая Щедрина у всех тех, кому выгодно «хвататься за его фалды» (Ленин), четкость политической характеристики отношений к Щедрину различных поколений революционеров, наконец мобилизация большого количества ценного фактического материала, в большинстве распыленного, дробного и потому неизвестного, — все эти качества, присущие статье Г. Е. Зиновьева, позволяют считать ее одной из тех работ, мимо которых не может и не должен пройти ни один будущий исследователь Щедрина.

Нельзя отрицать также интереса и ценности помещаемой здесь же работы Е. М. Макаровой, составившей подробный аннотированный указатель цитат из Щедрина, встречающихся в сочинениях Ленина. Факты использования Лениным отдельных вывожений, образов и словечек Щедрина неоднократно и ранее отмечались исследователями, правильно связывавшими их с той высокой оценкой, какую давал Ленин творчеству Щедрина. Но все эти замечания были крайне неполны и им не хватало систематичности. Е. М. Макарова решила восполнить этот пробел. Составительница внимательно проштудировала все, сочинения Ленина вплоть до черновиков и конспектов, в таком изобилии собранных в «ленинских сборниках». Она отыскала там около трехсот случаев использования специфических, иногда редко встречающихся щедринских выражений, свидетельствующих о хорошем знании Лениным щедринских произведений. Нет сомнения: Е. М. Макарова своей работой прежде всего всемерно облегчила труд будущего исследователя, желающего узнать, что и как цитировал Ленин из Щедрина. Прделанную работу следует считать достаточно квалифицированной: помимо изучения Ленина она требовала от составителя хорошего знания творчества Щедрина во всем его объеме. В сопроводительных к указателю статьях, принадлежащих М. В. Нечкиной и составительнице, авторы сами определяют разностороннюю ценность собранного материала, и нам нет необходимости повторять еще раз их соображения. Здесь следует однако указать, что ценность собранных в указателе цитат должна в первую очередь рассматриваться в плане изучения и характеристики ленинского публицистического стиля, а не в плане ленинских оценок творчества Щедрина. Ленин, как известно, не оставил о Щедрине такой статьи, как «Лев Толстой — зеркало русской революции», — гениального руководства для изучения этого, да и не только этого, писателя. Правда, две-три цитаты, два-три упоминания Щедрина в ленин-

ских текстах носят характер, близкий к оценочным, и это разумеется драгоценные указания для исследователя наряду с известной краткой, но поразительно глубокой характеристикой Щедрина, сделанной Марксом на полях «Убежища Монрепо». Взятые же сами по себе цитаты без привлечения других материалов естественно еще не уполномочивают на те или иные выводы, касающиеся ленинских оценок щедринского творчества тем более, что ряд щедринских выражений и образов (например «Иудушка», «хозяйственный мужичек») встречается у Ленина в самых разнообразных опосредствованных

Бесспорно ценные результаты дала предпринятая редакцией анкета о Щедрине среди группы старых народовольцев. Достаточно указать, что в итоге обращения редакции были написаны новые страницы воспоминаний такими деятелями народнической революции, как В. Н. Фигнер, М. Ф. Фроленко и др. Общую оценку этих материалов читатель найдет в специальном предисловии редакции к «анкете» (см. главу «Русские революционеры 70—80-х гг. о Щедрине»). Здесь же следует указать, что редакция, рассматривая полученные статьи в качестве мемуарных документов (строго в этих пределах мемуара держалась впрочем только одна В. Н. Фигнер, остальные участники анкеты невольно проецировали на прошлые результаты своих более поздних оценок Щедрина), не подвергала их никакой литературной обработке вплоть до оставления встречающихся в них отдельных фактических неточностей. Последнее относится и к обширной мемуарной работе Л. Г. Дейча «М. Е. Салтыков-Щедрин и русские революционеры (по личным воспоминаниям)», специально написанной автором для настоящего сборника.

Статья Я. Эльсберга «Щедрин и публицисты «Отечественных Записок» имеет предметом своего исследования старый, но все еще до конца в деталях не выясненный спор о своеобразии положения Салтыкова в редакции народнических «Отечественных Записок». Я. Эльсберг правильно разоблачает несостоятельность народнической легенды о Щедрине, созданный эпигонами позднего народничества и пропагандируемой в наши дни Ивановым-Разумниковым. Признавая, что для создания такой легенды были кое-какие объективные основания вроде например факта долготелетнего сотрудничества и редакторства Щедрина в «Отечественных Записках» бок о бок с такими теоретиками легального народничества, как Михайловский и Елисеев, автор вместе с тем уделал мало места анализу самых истоков происхождения «легенды». Нужно бы было резче подчеркнуть, что старые споры о том, народник или нет Щедрин (эти споры происходят и по сей день) отчасти объясняются тем, что гамма народничества была очень широка и что «Отечественные Записки» были органом такого широкого народничества, а не того течения в нем, которое Ленин называл «старым народничеством». Это обстоятельство, среди других факторов, и позволяло Щедрину почти бесконфликтно редактировать народнический журнал, не разделяя основных построений народничества. Без детализованных определений народничества вопроса об истоках, питающих «народническую легенду» о Щедрине, решить нельзя.

Статья Л. И. Аксельрод-Ортодокс «К вопросу о мировоззрении Щедрина» интересна и полезна своей острой дискуссионностью, тем, что вскрывает сущность и методологию существующей теории, согласно которой Щедрин близко подошел к марксизму или по крайней мере шел в направлении к нему. Для того чтобы прийти к такому выводу, к выводу, что Щедрин в конце 40-х гг. «испытывает потребность в историческом научном обосновании... социализма», и далее, для 60-х гг., что Щедрин революционер, да еще «решительный», «без всяких оговорок», автор вынужден, во-первых, замолчать вопрос о революционности социалистической народнической утопии в 60-х годах и во-вторых, игнорировать конкретную политическую обстановку эпохи (Чернышевский и Щедрин, «Народная воля» и Щедрин и т. д.). Щедрин — великий и трезвый просветитель, глубоко верящий в прогрессивный ход вещей и событий, но очень плохо понимающий значение революционной практики. Проводимая автором в качестве аргумента, подкрепляющего его доводы, цитата, в которой история сравнивается с лавой (см. стр. 541), показывает именно это, а совсем не то, что Щедрин был революционером. Щедрин действительно критиковал утопизм, но скорее с точки зрения объективиста с фаталистическим оттенком, но отнюдь не с точки зрения революционера-марксиста. В силу конкретно-исторических условий своей эпохи и личной биографии Щедрин не был, не мог быть тем, за кого его выдает Аксельрод-Ортодокс. Следует также указать, что основной вопрос статьи, вопрос о типе общего направления философского мирозерцания Салтыкова и его истоках, не может быть разрешен без детализованного определения, какой же из оттенков французского утопического социализма (а их было несколько), оказал в 40-е годы решающее воздействие на Салтыкова? Вопрос этот неясен до сих пор. Ответа на него не дает к сожалению и данная статья. Оговаривая спорность многих положений, выдвинутых в статье Л. И. Аксельрод-Ортодокс, редакция однако считает ее работу безусловно интересной и ценной в отдельных своих наблюдениях и деталях (напр. заслуживают дальнейшего изучения сформулированные автором положения о несомненности влияний на историко-философские взгляды Щедрина таких мыслителей, как Гегель, Фейербах, Бруно Бауэр и др.).

Проблему Щедрина-художника следует считать не изученной в полной мере. Заслуживает поэтому несомненного внимания печатаемая в сборнике статья т. Юкова «К вопросу о творческом методе Щедрина». Правда, содержание статьи не вполне соответствует

своему заглавию. Работа т. Юкова трактует не столько о творческом методе Щедрина, она посвящена не столько характеристике его художественных методов и приемов, сколько изложению его философско-эстетических взглядов и характеристике круга основных тем произведений сатирика, а также стиля его работы, его литературного поведения («партийность», «актуальность», «злободневность» и т. п.). Конечно затронутые т. Юковым вопросы являются темами значительного исследовательского интереса. В его статье есть ряд интересных соображений, ценных в смысле дальнейшего развития наблюдений. Но к широкой и вместе с тем конкретной постановке проблемы о Щедрине-художнике т. Юков, следует это признать, не подошел.

Последняя публикация первого полутома — обстоятельное исследование А. Лаврецкого «Щедрин — литературный критик» — обладает несомненно рядом крупных достоинств. Большой заслугой автора является уже то, что он на обширном конкретном и малоизвестном в целом материале поставил большую проблему, начал разработку исключительно важной и интересной области деятельности Щедрина — его литературно-критической деятельности. Только глубоким невниманием, отсутствием исследовательского интереса, а отчасти и прямым невежеством следует объяснить тот факт, что до сих пор проблема литературно-критической деятельности Щедрина не только не разрабатывалась, но и почти не привлекала внимания исследователей, специально работающих в области истории русской критики. Щедрин написал за свою жизнь не один десяток критических рецензий и статей, но ни в одной из существующих «Историй» русской критики имя Щедрина-критика специально не упоминается. Впрочем можно привести и более разительный пример, где неосведомленность автора граничит с научным невежеством. Речь идет о статье Н. К. Писанова «Литературное наследие Салтыкова», помещенной в только что вышедшем в издании ГИХЛА однотомнике сочинений Щедрина. Здесь на стр. 21 находим такую справку: «После 1864 года Салтыков забросил литературную критику». Поразительная осведомленность, находящаяся однако в вопиющей противоречии с общеизвестными фактами. Период наиболее интенсивной критической деятельности Щедрина падает на 1869—1878 гг., когда в «Отечественных записках» был помещен не один десяток критических статей и рецензий Салтыкова. Нет ничего удивительного, что Н. К. Писанов считает возможным в весьма аподиктической форме заявить, что «литературно-критические статьи Салтыкова не образовали в его наследии крупного выдающегося отдела». Опубликование работы А. Лаврецкого, можно надеяться, положит предел существующей неосведомленности историков литературы по данному вопросу и явится началом его дальнейшего углубленного изучения.

Отмечая достоинства статьи т. Лаврецкого, следует тут же указать и на наличие в ней ряда существенных недостатков, неправильных утверждений и формулировок (например, его замечания о «попутничестве» Щедрина), могущих повести к неверному определению места, занимаемого Щедриным в истории русской литературы и общественной мысли. Критику этих ошибочных положений статьи т. Лаврецкого читатель найдет в специальном предисловии редакции, предпосланном его работе.

Сказанное в основном характеризует состав нашего сборника в первых двух разделах — разделах публикации новых текстов и исследований (первый полутом). Более узкие цели преследуют остальные четыре раздела, образующие (вместе с хроникой) содержание второго полутома сборника. Печатаемые здесь многочисленные текстологические, эпистолярные, цензурные, биографические и библиографические публикации, а также различные обзоры и сообщения в основном осуществляют вторую задачу, стоящую перед редакцией, — задачу собирания фактического материала, необходимого для будущего всестороннего исследования литературной деятельности и биографии Салтыкова-Щедрина. Назревшая необходимость такой работы, равно как и трудности, с которыми было сопряжено ее осуществление, станут очевидными, если мы вспомним, что в распоряжении исследователя до сих пор не имеется не только ни одной хотя бы и устарелой, но законченной исследовательской монографии о Щедрине или документальной биографии его, но почти совершенно отсутствуют и самые предварительные сводки материалов по ряду исследовательских вопросов, стоящих перед современным щедриноведением. При таком положении эти вопросы нельзя было не только решать, но и часто правильно ставить. В этом направлении редакцией была проделана большая «черновая» работа архивного и библиографического характера. Результаты ее не всегда можно и нужно было объективировать в самостоятельных публикациях. Правда, часть добытых материалов легла фактическим документальным фундаментом для ряда обзоров и статей. Таковы например обзоры А. Ефремина «Борьба за Щедрина», Ю. Соболева «Щедрин на сцене», П. Эттингера «Художественная иконография Щедрина и иллюстрации к его произведениям», почти целиком построенные на материале, предоставленном названным автором редакцией. Но большинство собранных документов и фактов было использовано авторами публикуемых работ в качестве вспомогательного аппарата, насытив их статьи новым, неиспользованным ранее материалом. Мы считаем нужным указать здесь на эту сторону редакционной работы, на непосредственное, а не только организационное участие редакции в деле собирания материалов и первичной исследовательской обработки их, проведенной по большому числу тем сборника.

Второй полutom открывается двумя текстологическими публикациями. Работа Б. М. Эйхенбаума, посвященная истории текста «Сатир в прозе», не только впервые раскрывает историю создания этого важного цикла или сборника, но и ставит на основе привлеченного материала ряд общих вопросов текстологического изучения Щедрина. В этой области статья содержит ряд интересных наблюдений и ценных методологических указаний. Особый интерес публикации придают печатаемые в качестве приложения к статье материалы: рукописный вариант очерка «К читателю» и два отрывка из очерка «Хорошие люди». Особое внимание исследователя должно привлечь первое приложение — большое рассуждение Щедрина, содержащее призыв действовать «во что бы то ни стало и всеми средствами». Этот впервые публикуемый чрезвычайно яркий в социально-политическом отношении отрывок Щедрина 1861 г. дает много нового по сравнению даже с таким важным документом, как написанные вскоре после того на ту же тему «Каплуны». Автор публикации прав, определяя ценность вновь открытого текста словами: «Рассуждение это представляет собой нечто вроде авторской исповеди, в которой Салтыков мотивирует собственное поведение». Текстологический этюд Б. М. Эйхенбаума не ставил себе задачей изучение и оценку идейно-политического содержания публикуемых текстов. В этом направлении они и остались неизученными, и мы публикуем их как материал, ждущий еще своего исследователя.

Интересная в историко-литературном отношении публикация И. И. Векслера «История незавершенного цикла «Культурных людей» впервые в литературе прослеживает историю зарождения, развития и воплощения этого остро задуманного (в манере «Посмертных записок Пиквикского клуба» Диккенса) произведения, первоначально называвшегося «Книга о праздношатающихся». Резкие отличия (и не только в отдельных кусках текста, но и в развертывании сюжета) сохранившейся черновой редакции от печатного текста собрания сочинений обусловили целесообразность в интересах исследователей воспроизведения на страницах «Литературного Наследства» полного текста черновой рукописи.

Опубликованные в работе В. Евгеньева-Максимова «Новые материалы о сотрудничестве М. Е. Салтыкова-Щедрина в «Современнике» документы из панаевского архива (деловые письма Салтыкова к Панаеву и выписки из конторских книг журнала) позволяют установить авторство Салтыкова в отношении некоторых доселе не приписывавшихся ему анонимных произведений, и, что не менее важно, отвергнуть его авторство в отношении произведений, считавшихся до сих пор подлинно щедринскими. Эти результаты следует признать заслуживающим внимания, особенно сейчас, когда издается первое полное собрание сочинений Щедрина. В этом отношении не меньшую ценность представляет и обстоятельная работа С. С. Борщевского «Новые материалы о сотрудничестве Щедрина в «Отечественных Записках», в которой методом текстовых параллелей убедительно доказывается принадлежность Щедрину статьи «Насушные потребности литературы», напечатанной в 10-й книге «Отечественных Записок» за 1869 г. за псевдонимной подписью. Отсутствие места не позволило воспроизвести самый текст «вновь открытой» статьи.

Новые цензурные материалы о Щедрине, извлеченные из ряда архивов Н. Выводцевым, В. Евгеньевым-Максимовым и И. Ямпольским, значительно расширяют круг документов, бывших ранее известными в этой области. К сожалению предшествующие публикации предисловие и комментарий к ней не лишены ряда существенных недостатков. Цензурные материалы о Щедрине — ценнейший источник для суждений по существу об отношении цензурного аппарата полицейско-крепостнического государства к писателю, чья литературная деятельность была направлена на разрушение этого государства. Как и что воспринимала, оценивала и карала царская цензура в сатире Щедрина — вот что в этой связи наиболее интересно для исследователя. Авторы же публикации перенесли центр внимания на цензурные «мытарства» Щедрина, что конечно также нужно и интересно, но не в плане описательной характеристики цензурных инцидентов, а для уяснения существа идейного содержания щедринской сатиры.

Обзорная статья Ю. Соболева «Щедрина на сцене» впервые ставит и разрабатывает тему «театрального Щедрина». Привлеченные материалы (часть их предоставлена автору редакцией) несомненно окажутся несколько неожиданными даже для лиц, специально изучающих Щедрина и литературу о нем. Эти материалы показывают, что при всей своей «нетрагедийности» произведения Щедрина — как написанные в драматической форме, так и инсценированные — довольно часто игрались на русских столичных и провинциальных сценах, начиная с конца 50-х годов до наших дней включительно. Статья Ю. Соболева должна привлечь внимание не только историков литературы, но и театроведов как работа, дополняющая любопытными данными главу из истории репертуара русского театра. К сожалению в обзоре осталась неосвещенной вторая часть «проблемы» — вопрос об отношении самого Щедрина к театру и его хотя и кратковременная деятельность в качестве театрального «критика» в «Современнике».

Обзор А. Ефремина «Борьба за Щедрина» имел своей задачей изучить обширный и разнообразный материал откликов на смерть Салтыкова. Задача автора сильно облегчалась тем, что он получил в свое распоряжение богатый фонд почти исчерпывающего фактического документального материала (архивные материалы были в большинстве собраны Н. В. Яковлевым, библиографические — Н. Д. Эфрос). Путь к исследованию во-

проса был таким образом хорошо проложен. И тем не менее следует признать, что автор не вполне овладел своей темой, подошел к ней без должной ответственности исследователя, к которой обязывал материал. Правда, обзор А. Ефремина сдвигает вопрос с мертвой точки, заостряет его, привлекает к нему внимание, но это скорее заслуга документального материала, которым в избытке насыщена статья; сама же работа представляет собою только первую и во многом недостаточную попытку. И дело здесь не столько в том, что автор, по собственному признанию, не исчерпал всех материалов (этого и не нужно было делать). При том избытке отзывов, которые были собраны, можно и должно было осветить вопрос шире, глубже, поставить его политически острее, вскрыв между прочим на нем всю пошлость и тупость тогдашней реакционной и либеральной печати. Смерть Салтыкова бурно всколыхнула общественное мнение страны, заставила высказаться по этому поводу представителей почти всех существовавших тогда литературно-политических групп и направлений, вызвала острую хотя и предельно-длинную дискуссию в либеральной прессе. Из всего этого можно было сделать глубоко интересные выводы, направленные прежде всего к уяснению существа творчества Щедрина, к уяснению роли и места, которые занимал сатирик в литературно-общественной борьбе 80-х годов. Но для этого нужно было избрать другую установку и быть может иной способ самого изложения материала. К обзору приложен составленный Н. Д. Эфрос подробный библиографический указатель «Отклики печати на смерть Салтыкова».

Четвертый раздел сборника посвящен эпистолярным материалам. Из писем самого Салтыкова редакции пришлось ограничиться публикацией сравнительно немногих, доселе не напечатанных писем (публикации В. Гишпюса, С. Макашина, Н. Яковлева и др.). Письма Салтыкова за последние годы собирались планомернее и тщательнее, чем какая-либо другая часть его литературного наследства. Обнаружить здесь новые объекты, правда, удалось и даже в значительном количестве, но часть из них представляет слишком обширные для журнальной публикации фонды писем к одному лицу (письма к Н. А. Белоголовому и Г. З. Елисееву), которые поэтому нельзя было дробить, часть же единичных писем к разным адресатам (Нефедов, Ясинский, Скребицкая, Таганцев и др.) не представляют сколько-нибудь значительного интереса по своему содержанию. Обоим указанным категориям писем — законное место в полном собрании переписки Салтыкова, которое ныне и осуществляется. Но и за всем тем эпистолярное наследие Салтыкова — источник драгоценный для его изучения — представлен в сборнике 63 письмами, из которых большинство никогда не публиковалось, а остальные были опубликованы в старых журналах крайне неисправно и со значительными купюрами. Среди адресатов публикуемых писем — Чернышевский, Михайловский, Успенский, Тургенев, Жемчужников, Якушкин и др.

Если положение с письмами самого Салтыкова нельзя до сих пор признать вполне благополучным, то еще хуже обстоит дело с приведением в известность ответных писем к нему. Писали Салтыкову десятки людей из различных концов России, а также из-за границы; число его корреспондентов, начиная с конца 70-х годов, в связи с ответственным редакторством в «Отечественных Записках» было особенно велико. Однако из многих сотен существовавших писем до сих пор были известны лишь письма И. С. Тургенева к Салтыкову, напечатанные (не все и не полностью) еще при жизни последнего в «Первом собрании писем» Тургенева, вышедшем в издании Литературного фонда в 1884 г., да еще около десятка писем различных лиц, опубликованных в последние годы в различных изданиях. В нашем сборнике мы даем 83 документа, адресованных Салтыкову (письма, телеграммы, адреса и т. п.). В начале идет письма писателей и других литературных корреспондентов Щедрина (публ. Н. В. Яковлева). Даются письма к Салтыкову П. Анненкова, Н. Арнольди, Н. Бобылева, И. Бухалова, И. Гончарова, А. Жемчужникова, Н. Златовратского, В. Кроткова, Л. Мечникова, Л. Мурахиной, А. Новодворского, В. Обручева, Ф. Павленкова, А. Пыпина, А. Рейнгольда, Л. Толстого, П. Фирсова и И. Ясинского. Следует указать, что ценность публикуемых писем как источника для характеристики ближайшей литературно-общественной среды, с которой «сотрудничал» Щедрин, несколько умалется для данной публикации перечисленным составом самих корреспондентов. Все они люди более или менее далеко отстоявшие от Салтыкова и по своим литературно-общественным позициям и по личным связям (в последнем случае исключение составляет П. Анненков и А. Жемчужников, с которыми Салтыков имел постоянную переписку). Судьба наиболее интересных и важных писем к Салтыкову таких например, деятелей, как Чернышевский, Некрасов, Михайловский, Успенский, доктор Белоголовый, а из западных — Золя, Флобер, Риншен, остается к сожалению до сих пор в полной мере не выясненной. Из писем ближайших соратников Щедрина по «Отечественным Запискам» сохранились, правда, почти полностью письма Г. З. Елисеева, которые однако мы лишены были возможности дать в сборнике в виду значительного объема. Эти письма в настоящее время готовятся к печати отдельным изданием библиотекой им. Ленина.

Среди писем к Щедрину мы даем также и письма его читателей (публ. Н. В. Яковлева). Эта публикация представляет особый интерес не только благодаря исследовательской свежести и незатасканности темы (насколько нам известно, ни один русский клас-

сик не дождался еще публикации писем своих читателей), но и ее значительностью в деле уяснения любопытного вопроса: кто же действительно являлся в своей массе читателем Щедрина при его жизни, тем читателем, про которого сатирик писал Михайловскому: «О читателе скажу вам, что хотя я страстно его люблю, но это не мешает мне по матер, что он великий подлец». К сожалению писем читателей дошло до нас слишком мало, сохранились случайные и повидимому не самые ценные экземпляры этих любопытных переписки, при чем сохранились односторонне — письма Салтыкова к читателям (а та существовали) пока что нам неизвестны. Тем не менее собранный материал поэво. Д. О. Заславскому поставить в своей статье, предварающей публикацию, ряд интересных вопросов по изучению читателя Щедрина и шире — читателя «Отечественных записок» периода 70 — 80-х годов.

Пятый по счету раздел сборника заполнен многочисленными мелкими обзорами и сообщениями, с разных сторон подводящими предварительные итоги отдельным деталям следовательской работы над Щедриным, развернувшейся в процессе работы над сборком. Материал этого раздела естественно группируется вокруг определенных тем. В начале идет группа статей, изучающих биографию Салтыкова. Сюда относится прежде всего сообщение М. Калаушина «Салтыков в лицее». Опубликованные здесь материалы именно письмо Салтыкова к родителям, написанное из лицея в 1839 г., (сообщено Е. Макаровой), два до сих пор неизвестных стихотворения его 1840 г., относящиеся к этому же времени, лицейские карикатуры и театральная афиша, свидетельствующая о участии Салтыкова в одном из лицейских спектаклей, представляют бесспорный интерес. Они кладут начало документальному изучению самого темного и в полной мере не обследованного лицейского периода биографии Салтыкова.

Более скромное место занимает сообщение М. Панченко «К истории ссылки Салтыкова». Этот эпизод в салтыковской биографической литературе освещен пожалуй наиболее полно. Однако сообщаемые автором документы — отрывок из дневника Н. Кукольника последовательно описывающий ход событий, и позднейшие воспоминания И. Пузыревского (оба — сослуживцы Салтыкова по военному министерству) — позволяют восстановить картину ареста и высылки Салтыкова в тех деталях, которые ранее не были известны.

Последний в этой группе статей обзор Е. М. Макаровой посвящен предварительному описанию обширного семейного архива фамилии Салтыковых и истории нахождения этого фонда. Ценность обнаруженных материалов для будущей научной биографии Салтыкова Щедрина не подлежит сомнению. Этим оправдывается предварительный характер настоящего сообщения. Приведение найденных материалов в широкую известность путем опубликования потребует еще длительной работы.

Щедрин и его литературные современники — такова вторая тема, объединяющая статьи «Анненков о Щедрине» (сообщ. С. Макашина), «Щедрин и Толстой» (сообщ. М. Чуковой), «Неизданная статья Софьи Ковалевской о Щедрине» (сообщ. С. Штрайха), «Щедрин и Лавров» (сообщ. Ф. Витязева). Первые три сообщения построены на привлечении неизданного материала. В них опубликованы: оставшаяся непечатанной статья Анненкова о Щедрине, предназначавшаяся для французского журнала, неизданные письма Л. Н. Толстого и М. Е. Салтыкова, наконец письмо и статья о Щедрине С. Ковалевской также предназначавшаяся для помещения во французском журнале. Четвертое сообщение разрабатывающее тему «Щедрин и Лавров», опирается на печатный, но исключительный распыленный, трудный для собиранья и потому оставшийся неизвестным материал.

Из сравнительно большого количества мемуарных документов о Щедрине, бывших распоряжении редакции, мы ограничились помещением в этом разделе лишь одних «Записи беседы М. И. Семевского с Салтыковым», небезытересной для биографа сатирика (сообщ. И. Троицкого). Приведению в известность материалов по художественной иконографии Салтыкова, иллюстрации его произведений, а также обзору картин, созданных на темы щедринской сатиры, посвящена статья П. Этингер сообщение Д. Буторина и В. Гишпиуса.

В этом же разделе читатель найдет сообщению Ю. Соколова «Из фольклорных материалов Щедрина», ставящее на неизданном материале важный вопрос о характере и методе использования в творчестве Щедрина фольклорного материала, и небольшую фактическую статью Вас. Гишпиуса «Салтыков и русская нелегальная печать 1884 г.», содержащую сообщение о любопытном экземпляре подпольного литографированного издания «Сказок Щедрина с неизвестным до сих пор предисловием, дающим текст воззвания к «русскому обществу» по поводу правительственного запрещения «Отечественных Записок». Здесь же печатаются два фактических сообщения Н. Яковлева М. Унковского, кратко прослеживающих судьбы личного архива Салтыкова и его рукописей, бывших в распоряжении А. М. Унковского (эти ценнейшие документы в подавляющем большинстве своем до сих пор не известны и многие из них почти наверняка потеряны). Замыкается пятый раздел кратким критическим обзором Г. Л. Абрамовича «Щедрин в советской школе», в котором на основании анализа учебных программ вскрывается недостаточность существующего изучения наследия сатирика в нашей школе.

Шестой и последний раздел сборника специально посвящен библиографии и справочному материалу. Выше мы уже говорили о той большой работе, какая была

проделана редакцией в процессе подготовки сборника к печати по линии собирания и приведения в известность многочисленных тактов Щедрина и материалов о нем. Итоги этой работы редакция сочла целесообразным объективировать в специальном справочнике, своего рода путеводителе по рукописям Салтыкова в архивах СССР. Публикуемое описание (оно составлено В. Гишпиусом и С. Макашиным) далеко от совершенства. Оно составлялось для внутренних нужд редакции и первоначально не предназначалось для печати. Описание нуждается в систематизации и уточнениях, особенно в части, касающейся провинциальных архивов, находящихся до сих пор в исключительно хаотическом состоянии. Редакция полагает однако, что и в этом далеко не доработанном виде описание щедринских автографов окажется не бесполезным для любого исследователя, изучающего Щедрина и его эпоху. Здесь следует еще добывать, что по ряду провинциальных архивов в целях экономии места детали описания в печати опущены. Там, где это было сделано, полный текст описания с подробным изложением содержания документа передавался нами на хранение в Центральный музей художественной литературы, критики и публицистики, в печатаемом же тексте описания делалась при соответствующем месте ссылка на архивный номер, под которым хранится в музее полный текст описания.

Большое внимание было уделено редакции библиографии. Печатаемый указатель А. Добровольского и В. Лаврова «Материалы к библиографии литературы о М. Е. Салтыкове-Щедрине за 1906—1933 гг.», не претендуя на абсолютную полноту, все же охватывает весь основной (в том числе и газетный) материал за указанный период и разумеется на много превосходит все прежде имевшиеся библиографические работы по Щедрину. Хронологические рамки указателя (1906—1933) объясняются тем, что данная работа строилась как непосредственное продолжение известного указателя А. А. Шилова «Библиография произведений Салтыкова и отзывов о нем», появившегося почти 30 лет назад. Здесь описание материалов было доведено как-раз до рубежа 1906 г. Вместе с тем неполный указатель Шилова до сих пор являлся единственной специальной библиографической работой по Щедрину. Это обстоятельство делает своевременной и ценной публикуемую нами работу.

Более специальный интерес имеют указатели, составленные С. Макашиным «Материалы для библиографии переводов Щедрина на иностранные языки и критической литературы о них» и «Произведения Щедрина в русской подпольной и вольной прессе». Первый указатель, составленный автором не только на основании самостоятельных библиографических разысканий, но и путем обследования библиотечных каталогов ряда крупнейших мировых книгохранилищ, впервые в печати дает представление об «иноязычном» Щедрине. Зарегистрировано свыше 300 библиографических названий переводов произведений Щедрина и критической литературы о них на 18-ти иностранных языках. Эти результаты заставляют разумеется опровергнуть прочно сложившееся суждение о полной неизвестности великого русского сатирика на Западе.

Печатаемая вслед затем хроника дает развернутую информацию об основных ныне осуществляемых мероприятиях по всестороннему изучению и освоению щедринского наследства (издание сочинений и научных работ, постановки в театре и кино и т. д.).

В заключение считаем нужным сказать два слова об иллюстративном материале сборника. Несмотря на большие трудности, встретившиеся на пути осуществления поставленной задачи — всесторонне осветить в иллюстрациях все основные темы сборника, мы даем в нем около 350 иллюстраций, значительная часть которых воспроизводится впервые. Наибольший интерес представляет здесь документальная и художественная иконография Салтыкова, представленная почти с исчерпывающей полнотой. Используются также почти все прижизненные Салтыкову иллюстрации к его сочинениям и карикатуры, нарисованные на темы его сатиры. Период 70—80-х годов является, как известно, периодом глубокого упадка русской иллюстрированной книги и русской графики вообще. Это обстоятельство в полной мере подтверждается и на всем иллюстративном комплексе, связанном со Щедриным. Некоторую серость и однообразие в иллюстративном оформлении сборника следует поэтому по справедливости отнести за счет самого материала.

Таков вкратце состав щедринского сборника «Литературного Наследства». Созданный в итоге более чем полугодовой совместной работы редакции и обширного научного коллектива сборник наш бесспорно представит известную ценность, хотя конечно он не лишен многочисленных недостатков, недосмотров, авторских и редакторских промахов. Это естественный удел подобной работы, несмотря на то, что в нее было вложено много труда, внимания и энергии как редакцией, так и многих участников сборника.

Большая работа над сборником (а именно — составление его плана, подбор материалов и первичная исследовательская обработка многих из них, литературная редакция) была проделана С. А. Макашиным.

Непосредственное участие в организации сборника и работе над ним приняли также В. В. Гишпиус и Я. Е. Эльсберг. Значительную помощь в деле разыскания иллюстративных и архивных материалов оказали редакции И. А. Андронников и Н. Д. Эфрос.

В течение последнего года партия и вся страна понесли тяжелые утраты: скончались Михаил Степанович Ольминский и Анатолий Васильевич Луначарский — видные представители старой большевистской гвардии, крупнейшие деятели нашего идеологического фронта, пионеры марксистско-ленинской историко-литературной науки и литературной критики.

И Михаил Степанович Ольминский и в особенности Анатолий Васильевич Луначарский, десятки лет работавшие в области литературы, оставили после себя обширное и ценное наследие, к глубокому изучению которого литературоведы — марксисты должны будут обратиться в ближайшем же будущем.

М. С. Ольминский, возглавлявший работу по изданию полного собрания сочинений Щедрина, прекрасный знаток и истолкователь произведений сатирика, успел только принять участие в обсуждении первоначального плана настоящего щедринского тома «Литературного Наследства», А. В. Луначарский является его непосредственным участником.